

Б. БУКИН

**ПОД МОГУЧИМ
ДУБОМ**

Missionswerk FriedensBote
Миссия Вестник Мира
2010

СОДЕРЖАНИЕ

Под могучим дубом	5
Василь и его знакомство с Иисусом	57
Павел Смоленый	95
Кукольная швея	127

В СЕЛЕ ЛУЖИЦИ

Притаившись под ветвями могучего дуба, росшего на крутом берегу Днепра, стояла старая изба. Словно чего-то боясь, она тесно прижалась к самому стволу векового дерева. Недалеко от оврага, по отлогому холму того же берега находилось довольно значительное село Лужицы. Посреди села возвышалась каменная церковь с двумя тяжелыми куполами. Церковь эта называлась «Покров Пресвятыя Богородицы». Над западной дверью церкви была нарисована большая икона «Покрова». Богоматерь на иконе смотрела на дорогу, где за вербами находился сельский шинок. На северной стороне церкви, утопая в зелени прекрасного сада, стоял большой деревянный дом батюшки.

Каждое воскресенье утром люди приходили в церковь помолиться Богу, кое о чем потолковать, а после обеда шумными толпами собирались под вербами около шинка и, разумеется, проводили день, как большинство формальных христиан. В остальные дни недели церковь была заперта, а около шинка валялись только старики. Молодежь же занималась своей работой и лишь по вечерам собиралась к шинку «прополоскать» горло да поговорить о делах. Еврей Хаим, открывший шинок в Лужицах, хорошо поправил свое состояние и возле шинка устроил еще черно-бакалей-

ную лавку. В лавке продавались все предметы первой необходимости для крестьян. Одним словом, шинкарь заботился о благе народа.

Отец Митрофан, сельский батюшка, сидя под яблоней у себя в саду, не раз говорил: «Надо бы непременно построить школу; вон там, на пригорке, в липках».

Добрый батюшка, возможно, построил бы школу, ведь он очень заботился о своих прихожанах, но все как-то не хватало у него времени. Один раз мужики, собравшись к батюшке, спросили его о школе, но он ответил, что давно уже решил это благое дело, да все не хочется ему беспокоить святейший Синод и просить разрешения. Так вопрос о школе был отложен в долгий ящик.

Лужицы — большое и богатое село. В избышке под могучим дубом жил сельский пастух Семен, сухорукий, с козлиной бородой. Он рано просыпался и, выйдя из хаты, поднимал голову кверху и любовался густо навитыми воробьиными гнездами в ветвях старого дуба. Многих воробьев Семен заприметил и по перьям узнавал, из какого гнезда этот житель.

Налюбовавшись вдоволь, он по узенькой тропинке через овраг направлялся в село. Поднявшись на горку за оврагом, он становился на самом возвышенном месте и начинал трубить в козий рог:

Выгоняйте-ка скотину
На широкую долину,
На широкую долину,
На попову десятину...

Услышав звук трубы, все село во мгновение ока оказывалось на ногах. Женщины и дети гнали скот в стадо, мужики и подростки ехали в поле пахать, девчата торопились полоть огороды, и только один батюшка мог спокойно еще всхрапнуть на зорьке. Хотя

отец Митрофан и оставался в кровати, резкие звуки рожка часто будили его, так что он за много лет также выучил Семенову песенку и нередко приводил в своих проповедях примеры из жизни этого скромного пастуха. Отец Митрофан был человек строгих правил, высокого духа; он не позволял наступать себе на ногу. Подходя к нему, крестьяне должны были уже издали снимать шапку. Только дети не считались с этим правилом: завидят батюшку на улице, закричат: «поп!» — и все кто куда врассыпную.

Батюшка также поправил свое состояние: купил тридцать десятин хорошего чернозема за селом, две десятины усадьбы недалеко от церкви да десятину левады с лозой там же. К тому же он выстроил на купленной усадьбе каменный дом с восемнадцатью комнатами. Словом, Господь благословил отца Митрофана куда лучше, чем Хаима.

Семен нанялся пастухом одновременно с назначением отца Митрофана в Лужищи, в тот самый год, когда Хаим открыл там свой шинок. Пастух был веселый человек. Идет, бывало, по селу, а дети как заметят его, так и пристанут:

— Дядя Семен, спой песню! Дядя Семен, расскажи сказочку!

И он всегда пел им песни и рассказывал сказки, какие только знал, а дети его за это очень любили. Многие из них сами научились сказкам пастуха и рассказывали друг другу, прибавляя при этом: «Это дядя Семен меня научил!» Разумеется, Семенову сказочку и песенку нельзя было равнять со сказочкой и песенкой Хаима, как и стадо Семеново не было так щедро, как стадо отца Митрофана. Поэтому пастух ничего не смог приобрести себе в Лужищах. Что заработает за лето, то за зиму проест с женой и двумя детьми. Хаиму мужики носили плату деньгами и куриными

яйцами, а попу платили за разные требы деньгами. И только осенью, когда поедет отец Митрофан по селу, так мужики несут ему кто ржи, кто пшенички мерочку, а кто гречишки, словом, кто чем богат. Добрый батюшка всему этому был рад. Семену же за его труды платили только зерновым хлебом: большей частью рожью, как самой дешевой. Бедный сухорукий старик половину зимы носил к себе домой на плечах свою плату из села.

Много лет прошло спокойно. Был доволен своим приходом отец Митрофан, был доволен Хаим и был доволен Семен. Но надо же было случиться беде. В одну весеннюю ночь отцу Митрофану не спалось. До зари батюшка просидел на балконе своего дома, слушая пение соловьев, которые в большом количестве водились в поповской леваде. На рассвете он услышал какую-то песню. Это пастух заиграл на своем рожке 22-й Псалом. Батюшка пришел в недоумение. Неужели это пастух играет Псалом? Что-то неладное в селе творится! Возле шинка почему-то не так трется народ, как бывало прежде, а пастух так даже научился играть Псалмы!

Свежий аромат весенних цветов проникал в батюшкину душу. Соловьи с большим старанием выводили свои удивительные трели, стараясь перепеть один другого, словно желая получить батюшкину похвалу. На вербе начала куковать кукушка, и иволга тоже затянула свою убогую арию. Батюшке становилось досадно, что дивное пение соловьев заглушают эти грубые птицы, а в это мгновение над головой отца Митрофана, будто нарочно, раздался крик черного ворона: кар-р... кар-р...

— Издохни ты! — сердито проворчал огорченный батюшка.

Вдруг опять раздался звук рожка и пение пасту-